

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (60)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, телефон: (345-2) 688-756, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (60)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Бравина Р.И.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027
E-mail: bravinari@bk.ru

СБОР МАМОНТОВОЙ КОСТИ КАК ТРАДИЦИОННЫЙ ПРОМЫСЕЛ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОСИБИРСКОЙ АРКТИКИ (XVII — НАЧАЛО XX в.)

На основе исторических, этнографических и фольклорных источников исследована история сбора и сбыта ископаемой мамонтовой кости как традиционного промысла коренного населения восточносибирской Арктики в XVII — начале XX в. Выявлено, что в историческом контексте сбор ископаемой мамонтовой кости можно определить как локальную модель традиционного занятия коренного населения в зависимости от ресурсных возможностей арктической среды, а также социально-экономических и историко-культурных факторов.

Ключевые слова: восточносибирская Арктика, коренные народы, традиционные занятия, бивни мамонта, история, типы и способы промысла, сбыт.

Введение

Актуальность работы определяется отсутствием специального исследования по истории становления и развития добычи ископаемой мамонтовой кости (сокращенно — ИМК) в условиях широкого обсуждения на федеральном и региональном уровнях об отнесении ее к видам традиционных промыслов коренных малочисленных народов Севера [Потравный и др., 2020]. Основными центрами добычи ископаемого мамонтового бивня в Якутии издавна являются Усть-Янский, Аллаиховский, Булунский, Абыйский и Нижнеколымский районы, территории которых населяют северные якуты, эвенки, эвены, юкагиры и русские старожилы. Основная цель исследования — историко-этнографическое изучение сбора ископаемой мамонтовой кости как традиционного вида хозяйственной деятельности коренного населения якутской Арктики. В задачи входит: обзор донаучных представлений о мамонте и его бивнях; история становления и развития «костяной» казны России в XVII — начале XX в.; выяснение роли и значения сбора ИМК в традиционном хозяйственно-культурном комплексе коренного населения; описание и ретроспективный анализ типов, способов, условий и сроков промысла.

Статья написана на основе исторических, этнографических и фольклорных материалов. Отрывочные сведения по добыче и торговле ИМК содержатся в работах исследователей самого разного направления: географии, геологии, палеонтологии, экономики и др. (М.М. Геденштром, А.Ф. Миддендорф, Ф.П. Врангель, Е.В. Пфиценмайер, Н.К. Верещагин, А.Н. Смирнов, Н.Д. Кириллин, С.Е. Федоров и др.). В то же время специальных исторических работ, за исключением очерка В.М. Зензинова [1915], до сих пор нет. Это можно объяснить периферийным положением промысла ИМК в отношении доминирующих видов занятий в охотничье-рыболовном хозяйственном комплексе арктических народов. В гуманитарной науке достаточно полно разработан мифологический и художественный образ мамонта в традиционном мировоззрении и декоративно-прикладном искусстве коренных народов Сибири (С.В. Иванов, В.Х. Иванов, А.И. Новиков, А.Л. Заика и др.). Краткие записи о промысле ИМК содержатся в полевых материалах П.В. Слепцова (1920-е гг.), северной экспедиции Института языка, литературы и истории при СНК ЯАССР (1939–1940 гг.), хранящихся в архиве Якутского научного центра СО РАН (далее — АЯНЦ СО РАН).

История становления и развития «костяной казны» России

По свидетельству А.Ф. Миддендорфа, первая информация об ископаемых костях и замороженных тушах мамонтов Сибири содержится в древнекитайских сочинениях, датируемых V в. до н.э. [1860, с. 287]. Впервые наиболее подробное описание бивня мамонта привел иранский энциклопедист XI в. Абу Рейхан Бируни в своей работе «Собрание сведений для познания драгоценностей». Он пишет, что «особый минерал животного происхождения “рог хуту”» является «желанным и хранимым особенно у китайцев и у восточных тюрков» [Бируни, 1963, с. 195–196]. По словам по-

слов, «прибывших от Катаи-хана, это — лобная кость быка», который «водится в земле хирхизов (киргизов)», и она по форме и структуре напоминает клык рыбы, что привозят болгары в Хорезм из Северного моря. Шкура этого быка бывает «толщиной более чем в два пальца», а рога бывают разного цвета: лучшим считается «скорпионный», переходящий от желтого к красному, далее идут камфарный, белый, абрикосовый, синеватый и т.д. Цена «рога» зависела от цвета, узора и веса. Изделиям из бивня мамонта арабы приписывали магические свойства. Так, у одного эмира была чернильница, названная «приносящая царства», так как приносила своему хозяину счастья и богатства, а другим — беды и нищету. Эмир дарил свой талисман соседним владыкам, и вскоре их государства и казнохранилища вместе с чернильницей переходили к нему. Почитание рога хуту основывалось на представлении о том, что принадлежит он громадной птице, и находят его «один раз за целые века», подвергаясь опасностям при переезде через море [Там же].

Древние понятия восточных народов о мамонте содержатся также в записях первого императора из маньчжурской династии в Китае Кан-хи (1662–1723 гг.). Он писал о Фен-шю — «подземных крысах севера», которые умирают, «едва лишь коснется их дуновение воздуха или луч солнца». Мясо этих животных считается целебным, аборигены делают из их кости предметы утвари, гребни, рукоятки для ножей и т.д. [Пфиценмайер, 1928, с. 6]. Мамонтовая кость привлекала внимание и средневековых монголов. Францисканский монах Плано Карпини, побывавший в 1246 г. в Золотой Орде, приводит описание трона и печати хана Гуюка, вырезанных русским золотых дел мастером Козмой из «слоновой кости» [Карпини, Рубрук, 1957, с. 76, 78].

В западноевропейской литературе мамонта долго называли обыкновенным слоном, пока, наконец, не определили его «первородным, допотопным слоном». Одним из первых, кто причислил ИМК к добываемым из недр ресурсам полезных ископаемых, был немецкий филолог Генрих Вильгельм Лудольф, который в приложении к своей работе о грамматике русского языка (1696) отнес «мамонтовую кость, что в Сибири выкапывают из земли», к отряду минералов [Алексеев, 2006, с. 440]. Однако в московской Руси долго не различали моржовые и мамонтовые клыки, относя их к разряду «рыбьего зуба» — одного из важных предметов торговли с восточными странами.

У коренного населения Сибири издавна существовали мифорелигиозные представления о мамонте как о хтоническом подземном или водном существе, обнаружение останков которого предвещало смерть или разорение членам рода. С мамонтом связан космогонический миф, согласно которому Бог создал Землю, а мамонт, пройдясь по ней, оставил за собой русла рек, озера и горы, участвуя тем самым в процессе сотворения мира [Васильева и др., 2021; Федорова, Слепцова, 2019]. В юкагирских текстах среди шаманских духов присутствовал *холһуу айбу* (дух, тень мамонта) и шаман, имеющий его покровительство, считался самым могущественным [Иохельсон, 1898, с. 105]. Якуты верили в лечебное свойство зуба мамонта, дымом от горения которого очищали помещение для скота во время эпизоотий [АЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 12, д. 29, л. 40].

Наряду с «рогами» мамонта иногда находили кость, похожую на коготь птицы. «Самой большой из имеющихся у меня длиною 20 вершков,— писал М.М. Геденшторм. — По виду (кроме непомерной величины) они весьма сходствуют с когтями птиц. Бродячие по берегам Ледовитого моря Юкагиры стараются отыскивать сии когти. Из свежих выделывают они к лукам подкладочную кость, полагаемую под деревянную дугу лука для умножения его упругости... Юкагиры называют головы и когти сии птичьими...» [1830, с. 125, 126]. По свидетельству полярного исследователя Э. Толля, на о. Земля Бунге есть возвышенность Ёксёкю булгунных¹, названная в честь исполинской птицы [Толль, 1959]. Якуты-скотоводы «когти птицы Ёксёкю, по форме похожие на косу-литовку», находили на кладбище мамонтов Берелёх², которое до революции являлось своеобразным «клондайком» для местных искателей бивня. В иной раз вывозили до восьми возов бивня на лошадях [АЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 12, д. 45, л. 396].

Таким образом, представления народов Крайнего Севера о мамонте весьма сходны с его описаниями в средневековых трактатах. Находки крупных костных остатков, а иногда и целых мерзлых туш в прибрежных оврагах и ложбинах породили комбинированный образ, совмещавший признаки таинственных «водоземных» животных. Бивни мамонтов трактовались как «рога»

¹ Ёксёкю — мифическая двуглавая (вариант: восьмиглавая) царь-птица, гигантской орел с клювом, способным проломить череп человека, часто встречающийся персонаж в сказках и якутском эпосе олонхо; она также почиталась как наиболее сильный дух-помощник шаманов; як. булгунных — бугор, холм.

² Берелёхское «кладбище» мамонтов. В 1970 г. было исследовано Б.С. Русановым, Н.К. Верещагиным, П.А. Лазаревым. Ими было собрано 7,5 тыс. различных костей животных. По результатам радиоуглеродного анализа позже было установлен возраст захоронений — 12–14 тыс. лет.

водяного/земляного быка или «зуб» рыбы-чудища, а рог шерстистого носорога — как «хоготь» гигантской птицы. Истоки этих представлений, судя по археологическим данным древнего наскального и прикладного искусства, уходят корнями в эпоху камня.

Начиная с XVII в. поиски и добыча ископаемой кости непосредственно связаны с историей освоения арктических областей Восточной Сибири. Сохранилась грамота царя Алексея Михайловича, адресованная якутскому воеводе от 16 июня 1652 г.: «... они-де ту кость собирали на берегу, а лежит-де тут на берегу заморская кость многая, мочно-де той кости нагрузить многие суды... и те будут служилые люди учнут на море находить рыбью кость большую или малую: и вы б тое рыбью кость велели им имать и привозити к себе в Якуцкой, а из Якуцкого присылали к нам к Москве с нашею соболиною казною вместе...» [Дополнения к актам..., 1848, с. 349].

В 1655 г. вышедший из Лены на Колыму караван судов нашел остров, на берегах которого мореходы обнаружили следы «какого-то скота и зверя, а людей не видели». Речь, вероятно, идет о Медвежьих островах, которые якуты называли «Муостаах арыы» (букв. остров с рогами/бивнями). Начиная с первых посетителей-промышленников все побывавшие на этих островах всюду «в довольном расстоянии от берега, на возвышенных местах», находили «заморный зуб» — мамонтовые бивни в «великом множестве». Документы того времени подтверждают, что государство было крайне заинтересовано в их сборе. В 1666 г. якутский воевода Иван Большой Голенищев-Кутузов, обращаясь к своим пятидесятникам, писал: «А у великих государей костяной казны оставить служилых людей, ково пригоже, и велеть им с тою великих государей костяною казною итти в Якуцкой...» [Русские мореходы ..., 1952, док. № 114]. Так начала создаваться «костяная казна» Русского государства, которая и положила начало промышленной добычи ИМК.

Французский иезуит Ф. Авриль в 1687 г. свидетельствовал, что из Сибири, помимо пушнины, вывозится «особенный род кости, белее и глаже слоновой, получаемой из Индии... Персияне и турки весьма охотно покупают их и так дорожат ими, что саблю или кинжал с рукоятью из бегемотовой кости предпочитают сабле и кинжалу с серебряною и даже золотую рукоятью... Кость эту... обыкновенно находят в реке Лене или на берегах Татарского (Ледовитого. — Р. Б.) моря. Открытие бегемотовой кости сделано было жителями острова, откуда вышли, по словам москвитян, первые колонии, населившие Америку» [Алексеев, 2006, с. 377–378]. Сведения он получал от смоленского воеводы Мусина-Пушкина, служившего в свое время интендантом в канцелярии Сибирского департамента. «За Обью находится огромная река, называемая Кавойна (Kawoına), в которую впадает другая, именуемая Лена (Lena), — повествовал Мусин-Пушкин. — В устье первой из них, впадающей в Ледовитое море, есть большой и весьма населенный остров, весьма замечательный ловлею бегемотов, животного водоземного... зубы коего весьма дорого ценятся. Островитяне часто приезжают к берегам моря за ловлею бегемотов, и так как ловля их требует много труда и времени, то обыкновенно привозят они с собой свои семейства. Часто случается, что захватывает их здесь вскрытие моря и бедняков уносит неизвестно куда на огромных кусках льду, отделяющихся один от другого. Не сомневаюсь, что многие из охотников, таким образом захваченных, доплывают на льдинах к северному мысу Америки, весьма недалекому от этой части Азии, оканчивающейся Татарским морем» [Там же].

Кавойна, Ковыма — старинные названия р. Колымы. «Остров» против устья Колымы — это Медвежий острова, которые находятся в 100 км от устья реки. Исследователи часто упоминают увиденные руины древних жилищ на островах, которые обычно связываются с юкагирами. М.М. Геденштром пишет об омоках-юкагирах, что они «удалились толпою на острова Ледовитого моря, против устьев Яны и Индигирки. На сих островах находил и я еще следы их кочевьев, но неизвестно, перемерли ли они все, или перешли на лучшие острова близ Америки» [1830, с. 97, 98].

Первоначально добычей ископаемой кости занимались в основном русские промышленники. На острова снаряжались «ватаги» (артели) русских купцов на основе «покруты», т.е. найма малосостоятельных промышленных людей. Предприниматель снабжал покрученного необходимым продовольствием, для варки пищи давал «котлы промышленные», а для ловли рыбы, служившей главным рационом питания, «сети неводные» [Якутия в XVII веке..., 1953, с. 340–342]. Покрута издавна была развита и у якутов. Беднякам был непосилен «подъем» на дальний соболиный промысел, и богатые якуты нанимали покрученников на охоту, за что содержали их семьи и платили за них ясак. Со времен якуты, издавна промышленявшие песца и «рога» на островах, также начали объединяться в артели по добыче бивней мамонта. Они не имели ни конного, ни рогатого скота, для разездов использовали собачьи упряжки и «довольствовались рыбою, оленями, гусями, лебедями и утками дикими» [Иванов, 1992, с. 121].

В 1770-х гг. русский промысловик Иван Ляхов получил от правительства монопольное право «промышлять мамонтовую кость» на островах, названных его именем [Белов, 1956, с. 494]. В 1773 г. он и якутский купец И. Протодьяконов открыли остров, названный ими «Олгуйдаах», что в переводе с якутского означает Котельный. Один из артельщиков нашел там старинный «из зеленой меди котел», коими снабжались «ватаги» первых промысловиков. Остров также оказался богат мамонтовой костью. Успешная деятельность артели Ляхова и значительные таможенные сборы натурой заинтересовали Якутскую воеводскую канцелярию, которая в феврале 1775 г. направила для «описи» Ляховских островов землемера Степана Хвойнова. Перед ним ставились задачи: контролировать прием в казну 1/10 части добытой мамонтовой кости и песцов, составить карты островов, где производилась их добыча, а также разведать новые места для расширения промысла [Там же, с. 404]. Топонимика внесенных им на карты островов в большинстве своем оказалась якутской: например, мыс Туруктах (Стоймя стоящие скалы), речка Орто-Юрях (Средняя речка), гора Хаптагай-Тас (Плоский камень) и т.д.

В начале 1790-х гг., после смерти И. Ляхова, право промысла на открытых им островах перешло к якутским купцам Сыроватским. «Передовщиком» (начальником) их артели служил Яков Санников, уроженец Усть-Янска. В 1800 г. он открыл остров Столбовой, через пять лет — остров Фаддеевский, а в 1806 г. — остров Новая Сибирь. Препятствием в деле изучения вновь открытых островов стал спор о монопольном владении ими. И. Протодьяконов и Н. Бельков, ранее участвовавшие в походах Ляхова, подали ходатайство о праве вести «костяной» промысел на о. Котельном. Разгоревшийся конфликт дошел до государственного канцлера Н.П. Румянцева, и по его инициативе в 1808 г. была организована экспедиция под началом коллежского регистратора М.М. Геденштрама с целью уточнения объема добычи и ресурсов мамонтовой кости [Белов, 1956, с. 494]. «На первом Ляховском острове около 80 лет ищут мамонтовую кость, и всегда главную добычу промышленникам доставляла отмель на западной стороне острова,— пишет М.М. Геденштром. — При продолжительных восточных ветрах она обнажалась с множеством накатанных из моря рогов. Сие продолжается даже и донныне, и доказывает, что на дне морском покоится великое число Мамонтов» [1830, с. 123].

М.М. Геденштром оставил весьма интересные сведения о быте и хозяйстве коренного населения арктического побережья, об условиях промысла на островах, впервые описал северное ездовое собаководство, дал подробное описание древних артефактов, которые промышленники находили на островах. «Санников,— пишет он,— вывез с собой также некоторые вещи, найденные им на Фаддеевском острове и Новой Сибири. На первом найдены юкагирские сани и обделанная кость с выемкой, в которую вкладывался острый тонкий камень из шифера для сбития с оленьих кож шерсти, а с Новой Сибири обделанный кусок мамонтовой кости, наподобие чукотских топоров. Все сие доказывают, что были на тех островах юкагиры, с давних пор туда зашедшие» [Там же]. Подобного рода записи довольно часто встречаются в трудах и других полярных исследователей.

Итоги экспедиции М.М. Геденштрама показали, что на островах северных морей нет других природных ресурсов, за исключением мамонтовой кости, что ничуть не снизило заинтересованность России в их дальнейшем освоении. Начиная с XVIII в. бивни сибирского мамонта стали составлять конкуренцию слоновой кости на лондонском рынке. Петербургский журнал «Экономический магазин» в одной из своих публикаций писал, что «российская или московская слоновая кость» шла на мировом рынке пятым сортом при общем ассортименте в шесть сортов [Илларионов, 1940]. Интерес к сибирской ИМК поддерживался до конца XIX в., что обеспечивало устойчивые объемы ее добычи — через якутские ярмарки проходило ежегодно от 500 до 1600 пудов мамонтовой кости [Кириллин, 2009, с. 56–58, табл. 1, 2].

На рубеже XIX–XX вв., в связи с увеличением добычи слоновой кости в Африке, рыночный спрос на «московскую слоновую кость» резко упал, что привело к постепенному свертыванию ее промышленной добычи. Однако, коренное население, попутно с основными промыслами — охотой и рыболовством, продолжало заниматься сбором бивней мамонта вплоть до 1930-х гг.

Сбор бивня: организация, способы, условия и сроки промысла

В начале XX в., по материалам В.М. Зензинова, мамонтовую кость «или ищут попутно по морскому берегу и “едоме”, настораживая пасти и возвращаясь с гусевания домой, или же нарочно едут на “камень” и “гонят яры”»³ [Зензинов, 2001, с. 68].

³ *Едома* — форма рельефа арктических и субарктических равнин Восточной Сибири, представляющая собой возвышенность, холм; *камень* — морские острова; *яры* — крутой обрывистый берег.

Первый тип промысла в индивидуальном виде практиковался издавна «бродячими» (кочевыми) родами эвенков, эвенов, юкагиров, населявшими арктическую тундру. Именно им принадлежат случайные находки целых туш мамонтов, которые составили основу палеонтологических коллекций известных музеев. Однако ряд несчастных случаев, произошедших с открывателями этих уникальных объектов, послужил одной из причин отказа аборигенов от этого вида промысла. Так, А.Ф. Миддендорф писал, что тунгус Шумахов, нашедший мамонта Адамса (1799), «впал в тоску, даже в болезнь» по той причине, что «старика нашего рода... слышали от отцов, как появилось такое чудовище на их полуострове и как семья тогда нашедшаго это чудовище в короткое время вся вымерла» [1860, с. 261]. Е.В. Пфиценмайер также упоминает об опасениях и страхе местного населения в связи с обнаружением в 1900 г. туши Березовского мамонта [1928]. Эти суеверия оказались поразительно живучими. В 1970-х гг. скоропостижная смерть Х.М. Стручкова, первооткрывателя Тирехтяхского мамонта (1970) и Мылахчинского бизона (1971), дала повод снова заговорить о «проклятье мамонтов», что вынудило его сына и дочь отказаться от премии в размере 700 руб., назначенной их отцу президиумом Якутского филиала СО АН СССР [Федоров, 2017, с. 26].

В начале XX в. поиском и сбором мамонтовой кости в материковой части занимались сборщики рогов *муосчут* (от як. *муос* — рог, кость) из числа якутов и русских старожилов Колымского и Верхоянского округов. Поиски велись в основном индивидуально, лишь изредка отмечались коллективные сборы. Отправлялись на промысел на *ветках* (лодках) по рекам и ручьям с наносными берегами после спада высокой весенней воды и ледохода, разрушающих берега. По рассказам одного из якутских *муосчут*, он ежегодно летом ездил на поиски «рогов» в те места, где зимой охотился на диких оленей, чтобы сподручно было их возить санным путем. Спускался вниз по реке на лодке, обследуя прибрежные территории. Особое внимание уделял ложбинам и оврагам, наличию льдов на их склонах. Небольшие кости переносил на место временной стоянки *отуу*. Если добыча была весомой, то складывал ее на месте грудой, прикрывал сверху дерном, защищая таким образом от влаги и солнечных лучей, а на месте лагеря ставил палку, наклонив ее в сторону местонахождения, отмечая расстояние в верстах черточками [АЯНЦ СО РАН. Ф. 4, оп. 12, д. 45, л. 392]. На стоянке сборщики рогов подвешивали ритуальную веревку *салама* с цветными лоскутками, обязательно угощали дух огня, подбрасывая в костер кусочки еды.

В начале XX в. устьянские якуты промышляли бивни мамонта на материке коллективно. В Петров день (12 июля) все мужчины на лошадях на один день выезжали в окрестности наслега на «охоту на рогов». Деньгами, вырученными от их продажи, всем наслегом вскладчину платили земские подати [Там же, д. 70, л. 464]. «Материковые» бивни купцы покупали неохотно, так как они считались второсортными из-за многочисленных трещин и грязновато-желтого цвета, поэтому часть добычи шла на хозяйственные нужды. В фондах краеведческих музеев Якутии хранятся вырезанные из бивня костяные детали луков, олени нащечные пластины, пряжки седельной подпруги, кружки от лыжных посохов, грузила для невода, иглы, ухвертки, гребни и т.д. [Циркумполярная цивилизация..., 2009].

Людей, промышляющих бивень в морских артелях, якуты называли *арыысыт* — «островник» (як. *арыы* — остров). По рассказам устьянских якутов, в редкие годы, когда морской перешеек освобождался ото льда, они переправлялись на острова на баркасах. «Грозная водная «стихия», но ее можно умиловить подарками, — вспоминает В.М. Зензинов. — Когда мы переезжали на легких ветках морскую губу (30 верст) и валы стали хлестать через борт и заливать наши утлые ладьи, мореплаватели начали бросать в волны заготовленные ранее подношенья — пестрые лоскутья, ладан...» [2001, с. 102]. Якуты, переплыв 60-верстный перешеек между мысом Святой Нос и Большим Ляховским островом, шли в местность Кисилэх, каменные скалы которой издали напоминали фигуры людей (як. *киси* — человек), и, чтобы задобрить духов, оставляли на жертвеннике монеты, конфеты, игральные карты [Толль, 1959, с. 26].

По свидетельству В.М. Зензинова, в 1840-х гг. с Индигирки ходили за костью на Новую Сибирь, но постепенно, за дальностью расстояния, передали этот богатый бивнями остров в монопольную собственность устьянцам [Зензинов, 2001]. В начале XX в. главным районом добычи мамонтовой кости являлись Новосибирские острова, куда ездили на собаках артели от 40 до 50 чел., иногда к ним примыкали промышленники из Якутского округа. Основной промысел велся на так называемых ближних островах — Большом и Малом Ляховских, реже на «дальних» — Котельном, Фаддеевском и Новой Сибири. «Костяные» ресурсы последних были богаче, но путь пролегал через морские перешейки, что было рискованно и опасно.

Островники придерживались издавна устоявшихся правил. «Высшим органом» было общее собрание промысловиков, а исполнительную власть вершил «тойон» (як. князь, начальник),

избиравшийся общим собранием [Иохельсон, 1898]. Станы с избами и хозяйственными строениями, а также песцовые ловушки на островах считались общим имуществом артелей, а на материке они являлись семейной или родовой собственностью.

Распределение промысловых угодий для сбора костей и охоты на песцов производилось на общем собрании, хотя на разработку особо богатых участков претендовали близлежащие селения. Так, возле Хромской губы промышляли устьянцы, хромские якуты и русские. На Хапташинском яру во время охоты на линных гусей, что начиналась в конце июля, попутно промышляли заезжие якуты и русские. «Большой яр представляет собой едому, возвышавшуюся посреди тундры, берег его разрушается из-за таяния открытых с юга льдов. Этот яр прямо естественно-исторический музей,— писал астроном Лено-Колымской экспедиции (1909 г.) С.К. Скворцов. — Целых костей мало, мелких видимо невидимо, валяются как шишки в сосновом бору» [Ленско-Колымская экспедиция..., 1930, с. 114]. Границей промысловых участков якутов и русских служил ручей, который «не имели права перейти ни те, ни другие, хотя бы и видели на другом берегу мамонтовую кость». Наиболее богатым на добычу считался Ойягосский яр, где самым благоприятным для промысла временем был август с сильными штормами, когда море «в течение недели ломает яр, а затем отстает от берега, давая возможность собрать вымытые им кости». Там промышляли жители с. Казачьего и прилежащих к нему округов, «но это область, куда не заходит русский» [Там же, с. 90].

Расстояние от с. Казачьего до ближайшего о. Большой Ляховский составляло приблизительно 600 верст по тундре и морскому льду. Особенно трудной была ледовая дорога с труднопроходимыми торосами и полыньями. Из Казачьего островники выезжали в конце апреля — первых числах мая и добирались до места в первых числах июня. Снабжали артели основными продуктами устьянские купцы. Собак, нарты, одежду, палатку, посуду промышленники должны были иметь собственные.

Добравшись до угодий, промысловики отдыхали, обновляли пасти для песцов, а затем начинали поиски рогов, разбившись на небольшие партии по 4–5 чел. «Лето здесь самое несноснейшее время года,— писал в свое время М.М. Геденшторм. — Жары бывают необыкновенные. ...комаров необъятное множество: в лесу, где стоят здешние острожки, они составляют сплошную тучу... Всюду грязь и вода поверхностная,— потому что и в жарчайшее лето земля не растаивает глубже четверти аршина» [1830, с. 118]. Островники ждали Прокопьев день (8 июля), когда по народному календарю убывают комары и начинает линять гусь. Помимо гусей охотились на диких оленей, но больше одного оленя за одну охоту не убивали, ввиду небольшой их популяции. Рацион дополнялся также сбором преимущественно гусиных яиц, «но не брезгают и чайчьи»; чайки в изобилии гнездятся на арктических островах. В этих условиях иной раз островникам приходилось голодать по несколько дней, испытывая на некоторых участках жажду из-за нехватки пресной воды. «90 верст по соленой пустыне стрелки Меркушина» — так называется одна из глав Отчета экспедиции К.А. Воллосовича [Ленско-Колымская экспедиция..., 1930, с. 235]. Тем не менее на той же Меркушиной стрелке, по свидетельству Э. Толля, за одно лето было собрано 1500 кг бивней [Толль, 1959].

На добытой кости каждый промышленник вырезал ножом свою метку — тамгу. А верхнеколымские юагиры, у которых сохранились «древние картинные письма», оставляли письма на бересте, рисуя кончиком ножа форму бивня и фигуры людей по количеству промышленников, нашедших его [Иохельсон, 1898, с. 105]. Считалось, что мамонтовые клыки лучше сохраняются в глине, чем в песке. «У оседлых северян,— писал А.Ф. Миддендорф,— общий обычай беречь свои запасы слоновой кости в земле зарытыми». Сохраненный таким образом бивень долго не терял первоначальный цвет, оставался мягким, и из него можно было вырезать любые изделия даже «дурным» ножом инородцев [1860, с. 274].

По сортности бивень подразделялся на «гребельную» и «торговую». Под «гребельной» подразумевался первосортный бивень без трещин, сердцевина которого, «под защитой ледяного футляра, мало или совсем не подвергалась разрушительному действию воды и воздуха», и кость была «чиста, бела и плотна». Второй сорт — «торговый», лежавший «долго в воде или на воздухе», обычно имел трещины, из-за чего «наружные концентрические слои могли отставать и крошиться», а внутри кость «не плотна... не чиста, желтоватого цвета» [Иохельсон, 1898, с. 107]. Каждый из этих сортов имел еще два подсорта, в зависимости от размеров бивней: чем больше «рог», тем он был дороже. По даным В. Иохельсона, вес самого большого «клыка» мог дотянуть до 7 пудов при среднем весе в 3 пуда. Чтобы сохранить товарный вид добычи, при перевозке бивни зашивали в сыромятные мешки, не пропускающие влагу и солнце, а небольшие обломки клали в сумы с пушниной.

Сбор мамонтовой кости как традиционный промысел коренного населения...

В конце сезона кость свозили в одно, ближайшее к материку, место. С ближних островов промышленники возвращались в ноябре, а с дальних — в декабре. Транспортировка была одной из важнейших проблем промысла, и иногда большая часть добычи оставалась нереализованной. П.В. Слепцов в 1923 г. писал, что последний раз большую партию бивней устьянцы привезли с Новой Сибири в 1918 г. Ездили артелью на 55 собаках и при осмотре песцовых ловушек попутно собрали около 900 пудов бивней, но сумели привезти только 100 пудов и больше туда не ездили [ЯАНЦ СО РАН. Ф. 5, оп. 3, д. 291, л. 69].

Вывозили бивень на оленях и собаках. По данным В.М. Зензинова, ежегодная добыча, которая велась с середины июня до глубокой осени, могла составлять несколько тонн, в то время как грузовые олени нарты по тяжелой зимней дороге брали лишь до 8 пудов, а упряжка в 13 собак — до 15 пудов груза. Обычно при транспортировке применялись особенно большие «островные» нарты грузоподъемностью в 35–40 пудов, в которые запрягали 14–16 собак [Зензинов, 1915]. Вывозили «рога» в феврале — марте, когда артельщики заезжали на острова проверять пасти.

В начале XX в. стремительно поднялась цена на песка, купцы мамонтовую кость начали скупать «лишь скрепя сердце, так как она слишком “озойна” (т.е. громоздка, неудобна) для перевозки» [Зензинов, 2001, с. 238]. Несмотря на экономическую невыгодность добычи бивня мамонта, промысел продолжал существовать вплоть до 30-х годов XX в. Одной из причин этого феномена можно считать так называемую долговую мораль, которой придерживались сибирские купцы. Слово купца в определенной степени служило залогом и поручительством, особенно на малонаселенном севере, где все друг друга знали. При большом спросе на пушнину на рынке купцы были заинтересованы поддерживать «обходительные» отношения со своими поставщиками — охотниками, а те, по устоявшейся веками традиции, продолжали попутно заниматься сбором обесцененных «рогов».

Заключение

Арктическое побережье и острова северных морей были освоены издавна, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники эпохи камня и артефакты из мамонтового бивня со следами обработки каменными орудиями. Становление «костяной казны» Русского государства в XVII в. привело к появлению двух типов промысла. Первый тип представлял собой в основном индивидуальный попутный сбор кочевыми родами в прибрежной тундре в летний сезон. Для оленных людей — звенков, звенов и юкагиров острова, лишённые корма, воспринимались как «беда страшные места» [Ленско-Колымская экспедиция..., 1930, с. 128]. Это подтверждается и данными микротопонимии островов, большинство названий которых являются якутскими. Часть попутно собранной «материковой» кости из-за плохого качества использовалась чаще всего в собственных нуждах, как и в доисторические времена. Второй тип промысла — коллективный (артельный) сформировался с развитием промышленной добычи мамонтового бивня на островах, в которой участвовали оседлые якуты и русские арктические старожилы. Товарные отношения вовлекали в экономический оборот все больше коренного населения, родовое хозяйственное единство заменялось торговым взаимодействием на договорных началах, что способствовало постепенному смешению и нивелировке хозяйственно-культурных традиций в промысле ИМК.

На рубеже XIX–XX вв. при снижении спроса на бивень мамонта промысел пришел в упадок, но местами продолжал существовать вплоть до 1930-х гг. «Промышленнику нечем расплатиться, кроме кости, за забранный в долг товар, купцам нечем, кроме кости, взыскать с них долг. Так и тянется этот промысел, ни для кого, в сущности, в Якутской области не нужный» [Зензинов, 1915, с. 992].

Таким образом, в историческом контексте сбор ископаемой мамонтовой кости можно определить как локальную модель традиционного занятия коренного населения восточносибирской Арктики в зависимости от ресурсных возможностей природной среды, а также социально-экономических и историко-культурных факторов. В современных условиях включение сбора и добычи бивней мамонта в перечень видов традиционной хозяйственной деятельности позволит содействовать решению экономических и правовых проблем в данной сфере в интересах коренных народов Севера.

Благодарности. Автор выражает благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность использования научного оборудования, приобретенного по гранту № 13.ЦКП.21.0016.

Финансирование. Работа выполнена за счет средств государственного задания по теме «Стратегии адаптации и этнокультурное развитие населения Якутии в эпохи древности, средневековья и нового времени», регистрационный номер 121030100038-9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарии. 3-е изд. Новосибирск: Наука, 2006. 504 с. (СО РАН. Избранные труды / РАН, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом), СО, Ин-т филологии).
- Белов М.И.* История открытия и освоения Северного морского пути. В 4 т. Т. 1: Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века / Под ред. Я.Я. Гаккеля, А.П. Окладникова, М.Б. Черненко. М.: Морской транспорт, 1956. 592 с.
- Бируни Абу Рейхан.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А.М. Беленицкого. Л.: Изд. АН СССР, 1963. 526 с.
- Васильева О.В., Кузьмина А.А., Федорова А.Р.* Воображение Севера в контексте освоения природной среды: мамонт в мифологических представлениях якутов // Научный диалог. 2021. № 1. С. 194–210.
- Геденштром М.М.* Отрывки о Сибири. СПб.: В тип. медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1830. 178 с.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией* / Под ред. М. Коркунова. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1848. Т. 3. 560 с.
- Зензинов В.М.* Добыча мамонтовой кости на Новосибирских островах // Природа. 1915. № 7–8. С. 979–991.
- Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана / Сост. и авт. предисл. А.Г. Чикачев, И.А. Чикачев. 3-е изд. Якутск: Якутский край, 2001. 350 с.
- Иванов В.Ф.* Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII–начало XIX в.). Новосибирск: Наука, 1992. 228 с.
- Илларионов В.Т.* Мамонт: К истории его изучения в СССР. Горький: Изд-во Горьк. пединститута, 1940. 96 с.
- Иохельсон В.И.* Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе // Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова. Т. 10. Ч. 3. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1898. 167 с.
- Карпини Дж., Рубрук Г.* История монголов // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.
- Кириллин Н.Д.* Ископаемая мамонтовая кость — особый геокриогенный природный ресурс // Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2009. Т. 2. № 8. С. 54–63.
- Ленско-Колымская экспедиция 1909 года: Под начальством К.А. Воллосовича* Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 395 с. (Труды Комиссии по изучению Якутской АССР; Т. 15).
- Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири: В 2 ч. Ч. 1: Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. СПб.: Тип. Академии наук, 1860. 348 с.
- Потраевый И.М., Протопопов А.В., Гассий В.В.* Добыча бивней мамонта как вид традиционного природопользования // Арктика: Экология и экономика. 2020. № 1 (37). С. 109–121. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-1-109-121>
- Пфиценмайер Е.В.* В Сибирь за мамонтом: Очерки из путешествия в Северо-Восточную Сибирь / Под ред. и с доп. Н. Могучего; Пер. с нем. Н. Нейман. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 179 с.
- Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сб. документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII веке* / Сост. М.И. Белов. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1952. 386 с.
- Толль Э.В.* Плавание на яхте «Заря». М.: Географгиз, 1959. 339 с.
- Федорова А.Р., Слепцова А.А.* Отражение образа мамонта в духовной культуре народов Якутии // Человек и культура. 2019. № 6. С. 164–170. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.6.31072>
- Циркумпольная цивилизация в музеях мира: Вчера, сегодня, завтра* // Музеи республик Саха (Якутия): Каталог / Гл. ред. Е.С. Шишигин. Якутск: СР НБР Саха, 2009. 128 с.
- Якутия в XVII веке: Очерки* / Под ред. С.В. Бахрушина, С.А. Токарева. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. 450 с.

ИСТОЧНИКИ

- АЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 29. 45; Ф. 5. Оп. 3. Д. 291.
- Федоров С.Е.* История исследований млекопитающих четвертичного периода в Якутии: XVIII–XX вв.: Дис. ... канд. биол. наук. Якутск, 2017. 245 с.

Bravina R.I.

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems
of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IHRNIPP SB RAS)
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: bravinari@bk.ru

**Mammoth bone collecting as a traditional occupation of the indigenous population
of the East Siberian Arctic (17th — early 20th c.)**

The paper is concerned with the history of collecting and trade of fossil mammoth bones as a traditional occupation of the indigenous population of the East Siberian Arctic in the 17th — early 20th c. For a long time the indigenous peoples of the North practiced individual collecting, incidental in the course of hunting, of fossil bones for their household needs. Meanwhile, archaic ideas about the mammoth as a sacred chthonic animal served as a regulator of eco-

logical balance of the traditional nature management, introducing constraints on the scope of the search and size of the spoils. Starting from the 17th c., the search for and quarry of fossil bone are most closely connected with the history of the colonization and exploration of the Arctic regions of Eastern Siberia by Russian pioneers. In the context of the development of commodity-money relations on the sea islands, artels were formed from among the northern Yakuts and Russian Arctic old-settlers, supplying tusk to the merchants who traded in furs and mammoth tusks. The extraction of fossil mammoth bones reached its peak in the middle of the 19th c., when the “Russian, or Moscow ivory” was current on the world market as the fifth grade, with the total assortment of six grades. At the turn of the 19th–20th cc. the mammoth ivory industry in Yakutia was experiencing a crisis; the demand for the products of mammoth ivory within the country was decreasing, merchants could not find markets, and ivory harvesting in Africa increased. However, despite these factors, this occupation preserved in places until the 1930s. In the modern conditions of the development of the Arctic, inclusion of collection and extraction of mammoth tusks in the list of traditional economic activities will help to solve economic and legal problems in this region in the interests of the indigenous population.

Keywords: East Siberian Arctic, indigenous peoples, traditional occupations, mammoth tusks, history, types, fishing methods, marketing.

REFERENCES

- Alekseev, M.P. (2006). *Siberia in the news of Western European travelers and writers of the XIII–XVII centuries: Introduction, texts and comment. Ed. 3rd.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Bakhrushin, S.V., Tokarev, S.A. (Eds.) (1953). *Yakutia in the 17th century.* Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatelstvo. (Rus.).
- Belov, M.I. (Comp.) (1952). Russian sailors in the Arctic and Pacific oceans: A collection of documents about the great Russian geographical discoveries in northeast Asia in the 17th century. Leningrad; Moscow: Izdatelstvo Glavsevmorputi. (Rus.).
- Belov, M.I. (1956). *The history of the discovery and development of the Northern Sea Route: In 4 volumes. Vol. 1: Arctic navigation from ancient times to the middle of the 19th century.* Moscow: Morskoi transport. (Rus.).
- Biruni, Abu Reikhan. (1963). *Collection of information for the knowledge of jewelry (Mineralogy).* Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (Rus.).
- Fedorova, A.R., Sleptsova, A.A. (2019). Reflection of the image of a mammoth in the spiritual culture of the people of Yakutia. *Chelovek i kultura*, (6), 164–170. (Rus.). <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.6.31072>
- Gedenshtrom, M.M. (1830). *Fragments about Siberia.* St. Petersburg: V tipografii meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del. (Rus.).
- Illarionov, V.T. (1940). *Mammoth: To history of his study in the USSR.* Gorkii: Izdatelstvo Gorkovskogo pedinstitutu. (Rus.).
- Iokhelson, V.I. (1898). Essay on the fur industry and trade in furs in the Kolyma district. *Trudy Yakutskoi ekspeditsii, snaryazhennoi na sredstva I.M. Sibiryakova. T. 10. Ch. 3.* St. Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva. (Rus.).
- Ivanov, V.F. (1992). *Socio-economic relations in Yakutia (late 17th — early 19th centuries).* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Carpini, Dzh., Rubruck, G. (1957). History of Mongols. In: *Dzhovanni del Plano Carpini. Istoriya mongolov; Guillaume de Rubruck. Puteshestvie v vostochnye strany.* Moscow: Gos. izdatelstvo geograficheskoy literatury. (Rus.).
- Kirillin, N.D. (2009). Fossil mammoth bone — special geocryogenic natural resource. *Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal «EKO»*, (8), 54–63. (Rus.).
- Korkunov, M. (Ed.) (1848). *Additions to historical acts, collected and published by the arthegraphis commission. Vol. 3.* St. Petersburg: V tipografii Eduarda Pratsa. (Rus.).
- Middendorf, A.F. (1860). *Travel to the north and east of Siberia: In 2 parts. Part 1: North and East of Siberia in a natural-historical sense.* St. Petersburg: Tipografiya Akademii nauk. (Rus.).
- Pfitsenmaier, E.V. (1928). *To Siberia for a mammoth: Essays from a trip to North-Eastern Siberia.* Moscow; Leningrad: Gos. izdatelstvo. (Rus.).
- Potravnii, I.M., Protopopov, A.V., Gassii, V.V. (2020). The extraction of mammoth tusks as a tape of traditional nature management. *Arktika: Ekologiya i ekonomika*, 37(1), 109–121. (Rus.). <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-1-109-121>.
- Shishigin, Ye.S. (Ed.). Circumpolar civilization in the museums of the world: Yesterday, today, tomorrow. *Muzei respublik Sakha (Yakutiya): Katalog.* Yakutsk: CIP NBR Sakha. (Rus.).
- Toll, E.V. (1959). *Sqiling on the yacht “Zarya”.* Moscow: Geografiz. (Rus.).
- Vasilev, O.V., Kuzmina, A.A., Fedorova, A.R. (2021). Imagination of the North in the context of the development of the natural environment: The mammoth in the mythological representations of the Yakuts. *Nauchnyi dialog*, (1), 194–210. (Rus.).
- Zenzinov, V.M. (1915). Mining of mammoth bones on the New Siberian Islands. *Priroda*, (7–8), 979–991. (Rus.).
- Zenzinov, V.M. (2001). *Ancient people by the cold ocean.* Yakutsk: Yakutski krai. (Rus.).

Бравина Р.И., <https://orcid.org/0000-0002-4902-8288>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 05.12.2022

Article is published: 15.03.2023